

РУССКИЕ КОНТРАСТИВНЫЕ МЕСТОИМЕНΙΑ В ПОЛЬСКИХ ПЕРЕВОДАХ: ОПЫТ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

Е. В. Буденная

*Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
Институт языкознания РАН*

В статье рассматривается реализация маркированных субъектных местоимений после противительных союзов *a* и *no* в параллельном русско-польском корпусе. При анализе сопоставляются русский оригинал, в котором субъектное местоимение обязательно, и польский перевод (6 параллельных текстов, 428 вхождений). Исследование показывает, что условия для реализации маркированных субъектных местоимений в языках, где стратегии субъектной референции по умолчанию различаются, также различий. Реализация местоимения в польском языке коррелирует со степенью фокуса на субъекте, который выше в контекстах с союзом *a* (лексемы «*a* ненормального следствия» и «*a* сопоставления»). В этих контекстах в польском языке местоимение переводится значимо чаще (χ -квадрат, p -value < 0.01).

Ключевые слова: противительный союз, субъектное местоимение, личное местоимение, фокус, русский язык, польский язык, параллельный корпус.

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №17-06-00460 «Грамматика на перекрестке дискурсивных и семантических факторов (опыт когнитивного моделирования)».

RUSSIAN CONTRASTIVE PRONOUNS IN POLISH TRANSLATIONS: A CORPUS-BASED STUDY*

Evgeniya Budennaya

*National Research University Higher School of Economics,
Institute of Linguistics RAS*

The article discusses the implementation of marked subject pronouns after adversative conjunctions *a* and *no* in a parallel Russian-Polish corpus. The analysis compares Russian original sources, where subjective pronoun is obligatory, and their Polish translations (6 parallel texts, 428 entries). The study shows that the conditions for explicit realization of marked contrastive pronouns in pro-drop and non-pro-drop languages are different and likely influenced by the default pattern. Thus, the realization of the contrastive pronoun in Polish correlates with the degree of focus on the subject, which is higher in contexts with the conjunction *a* (lexemes “*a* of an abnormal consequence” and “*a* of comparison”). In these contexts, pronoun is translated into Polish much more often (χ -square, p-value < 0.01).

Keywords: adversative conjunction, subject pronoun, personal pronoun, focus, Russian language, the Polish, parallel corpus.

---

* The study has been supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant #17-06-00460.

1. Введение

Русский язык относится к языкам, где субъектное местоимение в немаркированных контекстах в большинстве случаев выражается эксплицитно [Grenoble 2001, Dryer 2013]. Обратная ситуация имеет место в польском языке, где прономинальное подлежащее по умолчанию идентифицируется только по глагольным аффиксам, а местоимение употребляется только в случае эмфазы или контраста [McShane 2009]. Эту разницу можно видеть в (1), где представлен параллельный текст в польском оригинале и русском переводе¹:

(1) Польский	Русский
(А. Сапковский, «Божьи воины»)	(перевод Е. Вайсброта)
<i>Jeśli $\emptyset_{pro}$² się zgodzę,</i>	<i>Если я соглашусь,</i>
<i>$\emptyset_{pro}$ rzucisz wszystko</i>	<i>ты бросишь все,</i>
<i>i $\emptyset_{pro}$ uciekniemy oboje gdzieś</i>	<i>и мы убежим вместе куда-нибудь</i>
<i>na kraj świata?</i>	<i>на край света?</i>

Тем не менее и для русского, и для польского языков характерны маркированные контексты, при которых реализация субъектного местоимения обязательна. В первую очередь, они связаны с эмфатическим и/или контрастивным употреблением, при котором местоимение акцентировано. Одним из таких контекстов как для русского [Фужерон, Брейар 2004: 149], так и для польского [Nilsson 1983: 172] языков является употребление личных местоимений при адверсативных союзах (рус. *а, но, однако*; пол. *a, ale, ledz, jednak*), где имеет место имплицитный или эксплицитный контраст с каким-либо предыдущим дискурсивным элементом:

- (2) *А вы не подозревали, что имеете дело с соотечественницей? <...> А я знала, что вы русский.* (Г. Газданов, «Призрак Александра Вольфа»)

¹ Здесь и далее, если не указано иное, источником всех русских и польских примеров является параллельный русско-польский корпус на платформе Национального корпуса русского языка, <http://ruscorpora.ru/new/search-para-pl.html> (далее — Para-PL).

² Этим символом в статье обозначено отсутствие формально выраженного подлежащего; здесь и далее выделение мое — Е. Б.

(3) *Ona mnie kocha-∅.*
 3SG 1SG.ACC любить.PRS-3SG

A ja kocha-m ja
 a 1SG любить.PRS-1SG 3SG.F.ACC

‘Она меня любит. А я люблю ее.’ (А. Сапковский, «Башня шутов»)

О существовании контекстов, где опущение местоимения без изменения общей семантики высказывания невозможно, в той или иной степени упоминалось как в генеративных (ср. принцип “Avoid overt pronoun wherever possible” в [Chomsky 1981]; тж. [Frascarelli 2007: 694]), так и в общетипологических работах [Wiemer 1999, Dryer 2013]). По-видимому, данные контексты свойственны всем языкам, где имеется категория личного местоимения, безотносительно того, какая именно модель доминирует в них в немаркированных случаях — местоименная или же аффиксальная (см. пример 1). Тем не менее контексты для маркированных местоимений в кросс-языковой перспективе изучались и сравнивались достаточно мало. Обширная литература посвящена соотношению безместоименной и местоименной стратегий в немаркированных контекстах, в т.ч. и для русского и польского языков (см., в частности, [Nilsson 1982, Lindseth 1998, Seo 2001, McShane 2009]), однако маркированные местоимения с этой точки зрения продолжают оставаться на периферии. Ряд вопросов, связанных с универсальностью контекстов для реализации местоимений, остается открытым. В частности, неизвестно, являются ли такие контексты в разных языках одинаково частотными и универсальны ли условия для их реализации.

Данная работа ставит своей целью проверить гипотезу о тождественности контекстов для реализации маркированных контрастивных местоимений на примере параллельного русско-польского подкорпуса из двенадцати произведений XIX-XXI вв. (шесть оригинальных русских произведений и шесть польских переводов, сделанных носителями языка, соответственно; см. раздел 3). В работе мы отдаем себе отчет, что переводные произведения теоретически могут носить так называемый эффект *translationese*, а именно — неосознанно калькировать модель языка-оригинала ([Gellerstam 1986]; для немаркированных местоимений об эффекте *translationese* см. [Ilisei et al. 2011]). Однако поскольку ставилась задача сравнить реализацию маркированных местоимений в максимально идентичном широком контексте, было принято решение привлечь к анализу параллельный ресурс, с возможными оговорками в зависимости от дальнейших результатов.

Работа будет построена следующим образом. В разделе 2 будет представлен краткий обзор семантики контекстов с русскими противительными союзами, отобранными для дальнейшего сравнительного анализа; в разделе 3 будут представлены анализируемые источники, методология и объем данных. Раздел 4 будет посвящен собственно результатам исследования.

2. Краткий обзор анализируемых контекстов и семантики противительных союзов

2.1. Общие положения

Наиболее частотными противительными союзами в современном русском языке, по данным НКРЯ, являются союзы *а* и *но*. В силу этого в русскоязычную выборку были отобраны контексты именно с этими союзами. Формально аргументами *а* и *но* могли выступать как отдельные составляющие (4), так и целые предложения (5):

(4) *Это не я, а ты сошел с ума.*

(5) *Я от него убегу, а ты всё равно после этого жить не будешь.* (НКРЯ)

В терминах коммуникативной структуры [Lambrecht 1994] примеры типа (4) можно трактовать как конструкции с аргументным, или узким фокусом (в данном случае — на подлежащем), тогда как примеры типа (5) являются уже конструкциями с сентенциальным, или широким фокусом. Поскольку в данном исследовании интерес представляла реализация прономинальных стратегий в переводных эквивалентах, конструкции типа (4) представляли собой намного более предсказуемые модели. В этой связи для детального исследования было принято решение включить в выборку только конструкции с широким фокусом.

Изучению семантики союзов *а* и *но* посвящена обширная литература (см., в частности, [Крейдлин, Падучева 1974а, 1974б; Санников 1989; Зализняк, Микаэлян 2005, Урысон 2011, Апресян, Пекелис 2012]). Следует отметить, что обязательность субъектного местоимения (в противоположность модели с нулевой реализацией подлежащего) после союзов *а* и *но* в этих работах, как правило, не обсуждается — во многом в силу того, что подобные прономинальные конструкции представляют собой лишь один

из возможных случаев построения клаузы. Тем не менее невозможность опущения местоимения после противительных союзов *а* и *но* с сохранением исходного смысла высказывания неявно вытекает из семантики самих этих союзов, которая всегда напрямую связана с типом всей вводимой ими пропозиции (более подробно см. разделы 2.2–2.3) и ее отношением со вторым компонентом высказывания. В этом подходе компонент, вводимый союзом, в толковании последнего представлен как единая ситуация (или семантический актанта, в терминах [Урысон 2011: 175]), из которой по определению нельзя извлечь какие-либо составляющие без изменения семантики всего высказывания.

Данный подход коррелирует с общей идеей предложений, находящихся под широким фокусом [Lambrecht 1994: 223], или тетических предложений [Sasse 1995: 3, Тестелец 2001: 447 и сл.]. В них все сообщение является новым для слушающего и, в отличие от предложений с узким фокусом типа (4), тетическое предложение не содержит никаких исходных пресуппозиций³. Наиболее часто подобные предложения используются для объявления новости и ввода новой ситуации в дискурс и формируют единую, нерасчленимую с точки зрения фокуса, составляющую [Sasse 1995: 5]. Предложения, вводимые союзами *а* и *но*, в этом плане подпадают под категорию тетических конструкций с широким фокусом, из которых в силу семантики извлечение отдельных составляющих с сохранением смысла невозможно. В этой связи можно видеть, что формально предложение вида (6), представляющее собой модификацию (5), грамматично, однако разница в фокусной группе, из которой был извлечено указание на собеседника, меняет общий смысл и восприятие всего высказывания:

(6) *Я от него убегу, а $\emptyset_{\text{рго}}$ всё равно после этого жить не будешь.* [НКРЯ]

В силу этого, без изменения коммуникативной цели говорящего устранение местоимения из клаузы, вводимой противительным союзом, невозможно.

В следующих разделах будут рассмотрены основные значения союзов *а* и *но*, контексты с которыми были включены в исследуемую выборку.

---

³ Для предложения 4 такой пресуппозицией в терминах К. Ламбрехта была бы открытая пропозиция «X сошел с ума», фокус на личном местоимении маркирует объект, являющийся значением переменной X.

2.2. Союз *но*

Семантика союза *но* исследовалась в литературе начиная с 1970-х гг. (подробную библиографию см. [Урысон 2011: 171]). Основные значения этого союза в Национальном корпусе представлены следующими лексемами:

I. Лексема «*но* ненормального следствия» (примеры (7)–(9)):

(7) *Шел дождь (P), но он не взял зонт (Q).* [Апресян, Пекелис 2012]

Пресуппозиция в конструкциях с данным значением лексемы выглядит следующим образом: обычно если имеет место ситуация типа P (шел дождь), то не-Q (т.е. человек берет зонт). Функция союза *но* состоит в указывании на то, что в данном случае ситуация типа Q имеет место [Урысон 2011: 173].

В приведенных ниже примерах (8-9) из параллельного русско-польского корпуса союз *но* также представлен в данном значении:

(8) *Между нами всё кончено, но я не уеду отсюда.*

(9) *André, не надо! — сказала княжна Марья. Но он злобно и вместе страдальчески нахмурился на нее.* (Л. Толстой, «Война и мир»)

II. Лексема «*но* противодействия», или «обманутого ожидания» (примеры (10)–(12)):

(10) *Был сильный мороз (P), но Коля тепло оделся (R).* [Урысон 2011: 174].

В таких контекстах союз *но* вводит уже не само следствие, противоположное ожидаемому, а компонент R, который является причиной того, почему это ожидание (= Коля мерз) оказалось обманутым. [ibid: 175].

Корпусные примеры (11)–(12) также иллюстрируют данную лексему *но*:

(11) *Лакей хотел войти, чтоб убрать что-то в зале, но она непустила его.*

(12) *Я говорил, что падшую женщину надо простить, но я не говорил, что я могу простить.* (Л. Толстой, «Война и мир»)

2.3. Союз *a*

В отличие от союза *но*, противительный союз *a* во многих европейских языках не имеет эквивалента (в частности, в германских языках он переводится то соединительным, то противительным союзом). Существует немало работ, касающихся семантики союза *a* [Крейдлин, Падучева 1974а, 1974б, Зализняк, Микаэлян 2005, Урысон 2004, 2011], однако многие особенности его употребления продолжают быть объектом исследований. Основные значения этого союза можно представить в следующем виде [Крейдлин, Падучева 1974а, 1974б; Санников 1989; Урысон 2011]:

I. А несоответствия норме/ненормального следствия:

(13) *Шел дождь (P), а он не взял зонт (Q).*

Пресуппозиция примера (13) совпадает с таковой для примера (7), где употреблен союз *но*. Тем не менее различие в лексемах *a* и *но* «ненормального следствия» состоит в том, что в случае союза *но* компоненты P и Q зависимы (субъект знал, что идет дождь, но тем не менее не взял зонт), тогда как союз *a* подчеркивает независимость этих ситуаций (возможно, когда субъект собирался, дождя еще не было) [Санников 1989: 170—171]. В отличие от союза *но*, союз *a* указывает на незнание говорящим факторов, в силу которых ситуация Q имеет место. Согласно Е. В. Падучевой [Падучева 1997], союз *a*, в отличие от союза *но*, имеет эгоцентрическую семантику: в предложениях типа (13) «ненормальность» итогового положения дел осознается говорящим, тогда как в предложениях типа (7) — непосредственным субъектом действия.

Приведенный ниже пример из параллельного корпуса также содержит вышеуказанное значение союза *a*:

(14) *Ведь кофей есть, а я тебя и не потчую!* (Ф. Достоевский, «Преступление и наказание»)

II. А сопоставления:

(15) *Во всяком случае, она выпила кока-колы, а я — стакан воды!* (В. Набоков, «Лолита»)

Логическая структура высказываний с *a* сопоставления имеет вид <XP, а YQ>, где X и Y являются связанными между собой темами соединяемых предложений. В качестве подобной связи может рассматриваться как те-заурусная, так и ситуативная соотнесенность [Зализняк, Микаэлян 2005: 154, см. также Урысон 2011: 241].

III. А присоединения, или поворота повествования:

(16) *И вот она играла с собакой, а я стоял тут же, в халате, и уже не звал ее.*
(В. Набоков, «Лолита»)

Семантика «обманутого ожидания» проявляется в подобных высказываниях на дискурсивном уровне («вы не ожидали, что я это скажу» [Зализняк, Микаэлян 2005: 155]).

Все эти компоненты значений союзов *a* и *no* присутствовали в анализируемом корпусе и были включены в исследуемую выборку.

3. Данные и метод исследования

В итоговый материал исследования вошло шесть оригинальных текстов и их переводов из Параллельного русско-польского корпуса на платформе НКРЯ (Para-PL). Все переводы были сделаны носителями языка; три из шести анализируемых текстов были переведены в 1940–1950-е гг. и три — в 1990–2000-е гг.:

Переводы середины XX в.:

1. А. С. Пушкин, «Капитанская дочка»
(пер. Т. Stepniewski, S. Pollak, 1949 г.)
2. Н. А. Островский, «Как закалялась сталь», ч. 1.
(пер. W. Rogowicz, 1954 г.)
3. Л. Н. Толстой, «Война и мир», т. 2.
(пер. А. Stawar, 1958 г.)

Переводы 1990–2000-х гг.:

1. Ф. М. Достоевский, «Преступление и наказание»
(пер. J. P. Zajaczkowski, 1996 г.)
2. В. В. Набоков, «Лолита»
(пер. М. Klobukowski, 1997 г.)
3. Г. Газданов, «Призрак Александра Вольфа»
(пер. Н. Nystowski, 2009 г.).

Для всех этих произведений исследовалась дистрибуция следующих возможных пар конструкций (русский оригинал / польский перевод, соответственно), отдельно для союзов *a* и *no*:

Таблица 1

Русский оригинал	Польский перевод
Противительный союз + субъектное местоимение (Conj + pro)	Противительный союз + субъектное местоимение (Conj + pro)
Противительный союз + субъектное местоимение (Conj + pro)	Субъектное местоимение без союза (pro)
Противительный союз + субъектное местоимение (Conj + pro)	Противительный союз без субъектного местоимения (Conj + zero)

При этом отфильтровывались примеры, где русское местоимение *вы* переводилось специфическим польским местоимением *pan*, отсутствующим в русском языке, а также те случаи, где между оригиналом и переводом присутствовала разница в диатезе. Общий объем проанализированных данных составил 428 параллельных русских и польских предложений. Все русские примеры содержали противительные союзы *a* (231 вхождение) и *no* (197 вхождений), вводящие финитные клаузы с личным субъектным местоимением; интерес представляли польские переводы и реализация прономинальной стратегии в аналогичных контекстных условиях.

Основным методом исследования был корпусный анализ с ручным извлечением данных и дальнейшим применением статистического аппарата (критерий χ -квадрат).

4. Результаты

Анализ параллельных пар выявил различные типы переводных структур, в зависимости от представленного союза (см. общую диаграмму 1). Несмотря на «обязательность» субъектного местоимения в русском оригинале, степень его эксплицитного выражения в польских переводах сильно варьировала в зависимости от типа союза.

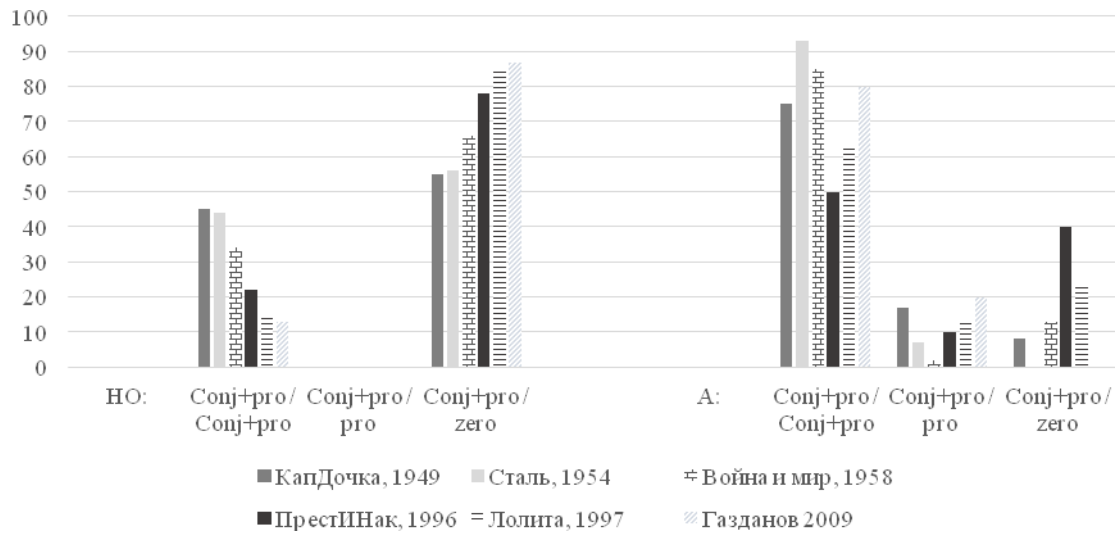

Диаграмма 1.
Дистрибуция контекстов для контрастивных местоимений
в русском языке и польских переводах, %

4.1. Контексты с союзом *a*

По данным анализа, в подавляющем большинстве случаев субъектное местоимение, употребленной в русском оригинале после союза *A*, сохраняется и в польском переводе (доминирует модель *Conj + pro / Conj + pro*, $p\text{-value} < 0.01$, см. диаграмму 1). В этих моделях союз *a* имел широкий круг значений, включая и «ненормальное следствие», и сопоставление, и поворот повествования.

Тем не менее в более редких моделях вида *Conj + pro / pro* и *Conj + pro / zero*, исходный союз *a*, как правило, был представлен в присоединительном значении («поворот повествования», χ^2 -квadrat, $p\text{-value} < 0.05$):

- (17) а. *Это всё вздор, — сказал Свидригайлов, намачивая полотенце и прикладывая его к голове, — а я вас одним словом могу осадить и все ваши подозрения в прах уничтожить.*
- б. *To wszystko bzdury — mówił Swidrygałłow, umoczywszy serwetkę i przyłożywszy ją do czoła — jednym słowem zamknę panu usta i wszystkie pańskie podejrzenia zetrę na miazgę.* (Ф. Достоевский, «Преступление и наказание»)

Можно предположить, что в случае других значений союза *a* фокус на субъекте высказывания выше, чем в значении «поворота повествования». В частности, в лексеме «*a* ненормального следствия» содержится некоторая

оценка действий агенса [Урысон 2011: 219], указывающая на его незнание о ситуации (P) (см. пример (13)). В высказывании, вводимом с помощью «а сопоставления», субъект действия непосредственно сопоставляется с субъектом предыдущей клаузы. В отличие от этих двух лексем, «а присоединения» не подразумевает подобной степени фокуса на субъекте. В силу этого степень обязательности выражения местоимения в польских переводах, где прономинальная стратегия по умолчанию нехарактерна, варьирует и в целом превалирует в тех случаях, когда фокусный компонент на субъектном местоимении с семантической точки зрения выше.

4.2. Контексты с союзом *no*

В отличие от высказываний с союзом *a*, в высказываниях с *no* субъектное местоимение на польский язык, как правило, не переводилось (доминирует модель *Conj + pro / zero*, $p\text{-value} < 0.01$, см. диаграмму 1). В тех редких случаях, когда местоимение после *no* на польский язык все же переводилось, речь могла идти и о «но ненормального следствия» (18), и о «но противодействия» (19):

(18) а. *Да, ежели бы это была правда; но я не верю, не имею права и не могу верить.*

б. *Tak, gdyby to była prawda; lecz ja nie wierzę, nie mogę wierzyć i nie mam prawa.* (Л. Толстой, «Война и мир»)

(19) а. *«Знаю, что вы не богаты, — сказала она; — но я в долгу перед дочерью капитана Миронова».*

б. *Wiem, że pani nie jest bogata-rzekła — lecz ja jestem dłużniczką kapitana Mironowa.* (А. Пушкин, «Капитанская дочка»)

По этим данным можно предварительно говорить о том, что большая степень фокуса на субъекте высказывания (в составе предложения с общим широким фокусом), присутствующая в русском языке в случае союза *a*, имеет внешнее формальное отражение в польском языке в виде существенно большего процента конструкций с эксплицитно выраженным местоимением. В силу того, что в польском языке, в отличие от русского, субъектное местоимение в немаркированных контекстах по умолчанию опускается, подобная разница в переводах может дополнительно указывать на ту

степень эмфатичности, которая требуется в коммуникативном сознании говорящего для употребления модели с эксплицитно выраженным субъектным местоимением.

Помимо этого, данные анализа также выявили, что в переводах середины XX в. личное субъектное местоимение после союза *no* (в различных значениях) встречается значимо чаще, чем в переводах конца XX–начала XXI в. (диаграмма 1, $p\text{-value} < 0.05$). Данное варьирование может быть как индивидуальной особенностью, так и некоторым признаком эффекта *translationese* (см. раздел 1), возможно, более характерному для ранних переводов. Тем не менее данный тезис требует проверки и более детального исследования на более широком материале.

5. Заключение

В статье было представлено пилотное исследование русских контекстов с маркированными субъектными местоимениями после противительных союзов *a* и *no* и их польских переводов. Анализ показал, что несмотря на универсальность самого факта наличия «обязательных» эксплицитно выраженных местоимений, условия для их реализации в русском и польском языках (и, возможно, в целом в языках с разными немаркированными субъектными референциальными стратегиями) различны. В частности, русские контрастивные субъектные местоимения после союза *a* чаще находят эквивалент в польском языке, тогда как с местоимениями после союза *no* наблюдается обратная ситуация. Кроме того, степень «обязательности» эксплицитного выражения местоимения после противительных союзов зависит от значений этих союзов, особенно в случае с союзом *a*: при присоединительном значении фокус на субъекте меньше, и местоимение значимо реже переводится на польский язык. Данные особенности могут свидетельствовать о том, что в языках с немаркированной местоименной стратегией (типа русского), разница в разной степени фокуса на местоименном субъекте при различных значениях противительных союзов не всегда улавливается — однако в тех языках, где местоимение по умолчанию опускается (типа польского), эта разница уже заметна, что и отражается в меньшей частотности субъектных местоимений после союза *a* в присоединительном значении.

Вместе с тем ряд аспектов — таких, как реализация местоимений в оригинальных польских текстах, степень их эксплицитного выражения уже в русских переводах в сопоставлении с польским оригиналом, остался за рамками настоящей работы. Изучение этих особенностей, наряду с детальным анализом предполагаемого эффекта *translationese* в более ранних переводах середины XX в., представляется следующим шагом для будущих исследований.

Условные обозначения и сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; F — женский род; M — мужской род; N — средний род; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Апресян, Пекелис 2012 — Апресян В.Ю., Пекелис О.Е. Сочинительные союзы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2012. [Apresjan V.Yu., Pekelis O.E. Coordinating Conjunctions. Materials for the project of the Russian grammar corpusbased description (Rusgram, <http://rusgram.ru>). Moscow, 2012.]
- Зализняк, Микаэлян 2005 — Зализняк Анна А., Микаэлян И.Л. Русский союз *a* как лингвоспецифичное слово // Кобозева И.М., Нариньяни А.С., Селегей В.П. (ред.) Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог» 2005. М.: РГГУ, 2005. С. 153—159. [Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I.L. Russian Conjunction *a* as a languagespecific word. Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog 2005". Kobozeva I.M., Narin'jani A.S., Selegey V.P. (eds.). Moscow: Nauka, 2005. P. 153–159.]
- Крейдлин, Падучева 1974a — Крейдлин Г.Е., Падучева Е.В. Значение и синтаксические свойства союза *a* // НТИ. Сер. 2. 1974, № 9. С. 31–37 [Krejdlin G.E., Paducheva E.V. 1974. Meaning and syntactic properties of the conjunction *a*. Nauchno-technicheskaja informacija. 1974. Vol. 2. No. 9. P. 31–37.]
- Крейдлин, Падучева 1974b — Крейдлин Г.Е., Падучева Е.В. Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом *a* // НТИ. Сер. 2. 1974, № 10. С. 32–37 [Krejdlin G.E., Paducheva E.V. 1974. Interaction of associative relations and topic-comment structure in sentences with the conjunction *a*. Nauchno-technicheskaja informacija. 1974. Vol. 2. No. 10. P. 32–37.]
- Падучева 1997 — Падучева Е.В. Эгоцентрическая семантика союзов «А» и «НО». // Николаева Т.М. (Отв. ред.). Славянские сочинительные союзы. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 31–47. [Paducheva E.V. The egocentric semantics of conjunctions "a" and "no". Slavjanskije sochinitel'nye sojuzy. Nikolaeva T.M. (ed.). Moscow: Institute of Slavistics and Balcanistics, RAS, 1997. P. 31–47.]
- Санников 1989 — Санников В.З. Русские сочинительные конструкции: семантика, прагматика, синтаксис. М., Наука, 1989. [Sannikov V.Z. Russian coordination constructions: semantics, pragmatics, syntax. Moscow: Nauka, 1989.]

- Тестелец 2001 — Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. [Testelecs Ya.G. Vvedenie v obshchii sintaksis [Introduction to general syntax]. Moscow: RGGU, 2001.]
- Урысон 2011 — Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания. М.: Языки славянских культур, 2011. [Uryson E.V. The experience of describing conjunctions: Linguistic data on the activity of reason. Moscow: Jazyki Slavjanskikh Kul'tur, 2004.]
- Фужерон, Брейар 2004 — Фужерон И., Брейар Ж. Местоимение «я» и построение дискурсивных связей в современном русском языке. // Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей. / Николаева Т.М. (отв. ред.). М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 147–166. [Fougeron I., Breillard J. The pronoun “ja” and the construction of discourse relations in modern Russian. Verbal'naya i neverbal'naya opory prostranstva mezhfrazovykh svyazei. Nikolaeva T. M. (ed.) Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2004. P. 147–166.]
- Chomsky 1981 — Chomsky N. Lectures on Government and Binding. Dordrecht: Foris, 1981.
- Dryer 2013 — Dryer M.S. Expression of Pronominal Subjects. World Atlas of Language Structures. The Interactive Reference Tool. Haspelmath M., Dryer M.S., Gil D., Comrie B. (eds.). Munich: Max Planck Digital Library, 2011. Chapter 101. URL: <http://wals.info/feature/101A>.
- Frascarelli 2007 — Frascarelli M. Subjects, topics and the interpretation of referential pro: an interface approach to the linking of (null) pronouns. Natural Language and Linguistic Theory. 2007. Vol. 25. P. 691–734.
- Gellerstam 1986 — Gellerstam M. Translationese in Swedish novels translated from English. Translation Studies in Scandinavia. Wollin L., Lindquist H. (eds.). Lund: CWK Gleerup. 1986. P. 88–95.
- Ilisei et al. 2011 — Ilisei I., Mihăilă C., Inkpen D., Mitkov R. The impact of zero pronominal anaphora on translational language: A study on romanian newspapers. Studia Universitatis Babeş-Bolyai: Series Informatica, 2011. Vol. LVI. No. 2. P. 43–50.
- Grenoble 2001 — Grenoble L. Conceptual reference points, pronouns and conversational structure in Russian. Glossos. 2001. Vol. 1. URL: <http://www.seelrc.org/glossos/issues/1/grenoble.pdf>.
- Lambrecht 1994 — Lambrecht K. Information structure and sentence form: Topic, focus, and the mental representation of discourse referents. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Lindseth 1998 — Lindseth M. Null-subject properties of Slavic languages: with special reference to Russian, Czech and Sorbian. München: Sagner, 1998.
- McShane 2009 — McShane M. Subject ellipsis in Russian and Polish. Studia Linguistica. 2009. Vol. 63. No. 1. P. 98–132.
- Nilsson 1982 — Nilsson B. Personal Pronouns in Russian and Polish: A study of their communicative function and placement in the sentence (translated from Swedish by Charles Rougle). Stockholm-Sweden: Almqvist & Wiksell International, 1982.
- Nilsson 1983 — Nilsson B. Anaphoric subjects in Polish and their cohesive function. Scando-Slavica. 1983. Vol. 29. No.1. P. 163–175.
- Sasse 1995 — Sasse H.-J. «Theticity» and VS order: a case study. Sprachtypologie und Universalienforschung (STUF). 1995. Vol. 48. P. 3–31.
- Seo 2001 — Seo S. The frequency of null subjects in Russian, Polish, Bulgarian and Serbo-Croatian: An analysis according morphosyntactic environments. Ph.D. thesis. Bloomington, Dept. of Slavic languages and literatures, Indiana University, 2001.
- Wiemer 1999 — Wiemer B. К типологии анафорической топикализации в языках Европы (с особым учетом роли субстантивных местоимений). [To the typology of anaphorical topicalization in the languages of Europe] Semantyka a konfrontacja językowa. 1999. Vol. 2. P. 231–249.

Статья поступила в редакцию 16.11.2019

The article was received on 16.11.2019

Евгения Владимировна Буденная

кандидат филологических наук; научный сотрудник, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики; младший научный сотрудник, Институт языкознания РАН

Evgeniya V. Budennaya

Ph.D.; research fellow, National Research University Higher School of Economics; junior researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

jane.sdrv@gmail.com